

жено в 2001–2003 рр. Вони показали, що церква входила до монастиря, який мав житлові та підсобні господарські приміщення, оточені огорожею. З півночі до храму прилягало приміщення площею 12,3 кв. м, яке було хрещальною з великою кам'яною купеллю у формі грецького хреста. Поряд знаходився невеликий двір, у якому могла відбуватися підготовка до обряду та процедура зречення диявола.

Датою спорудження храму називають другу половину IX–першу половину X століття. Однак монети з могил церкви відносяться не до часів правління Романа I, як зазначав перший дослідник храму К. К. Косцюшко-Валюжинич. Вони — пізньохерсонеські з монограмою «р», і їх треба датувати другою половиною XI–XIII ст.

Пам'ятник є яскравим прикладом пізньої монастирської церкви зі стаціонарним баптистерієм, який одночасно слугував за мартирій. Під його підлогою з плінф знаходилися дві могили. Особливістю архітектури комплексу є мініатюрні капели площею 7–9 кв. м. Їх розміщено у внутрішньому просторі храму. Це відображає зміни в літургічному житті, бажання зробити молитву більш особистою, приватною, наблизити її до ікон.

Монастир перебудовували кілька разів. Він загинув під час пожежі в другій половині XIII чи в XIV ст. До цього часу у ньому діяв елітний дитячий цвинтар. У багатоярусних могилах — кімтирії всередині церкви з п'ятьма апсидами ховали чоловіків і, особливо часто, жінок. Ймовірно, вони були з числа ктиторів та членів їхніх сімей.

А. Н. Токарев

О ЦЕЛЯХ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОКТАВИАНА АВГУСТА

В череде внутривитуполитических мероприятий, проведенных императором Августом, важное место занимает законодательство в отношении семьи и брака, составившее, по сути, главное содержание всей законодательной деятельности принцепса. Текст самих законов до нас не дошел. В трудах античных авторов (Проперция, Горация, Веллея Патеркула, Тацита, Флора, Диона Кассия и др.) содержатся лишь общие замечания о них. Наиболее полную информацию об этих законах дают нам юридические памятники и, прежде всего, Дигесты. Относительная скудость свидетельств источников по этому вопросу породила в современной историографии нескончаемые споры. Но несмотря на все попытки исследователей, всеобъемлющей оценки это законодательство все еще пока не получило.

В историографии, посвященной изучению семейного законодательства Августа, наметилось несколько подходов. Ученые, представлявшие морализаторское направление, не стремились понять причины принятия семейно-брачного законодательства, вполне соглашаясь с их трактовкой в официальных источниках эпохи Августа. Их основное внимание было направлено на моральную оценку поступков Августа и его ближайшего окружения, с мотивом явного осуждения [1, с. 219; 2, с. 162; 3, с. 101; 4, р. 443, 445].

Большое число приверженцев имел демографический подход. Исследователи, занимавшие такую позицию, рассматривали брачное законодательство как один из стимулов увеличения гражданского населения, сократившегося за время гражданских войн [с.м., напр.: 5, р. 425–484; 6, с. 482, 484].

В советской историографии, традиционно, большое внимание уделялось социальным и политическим причинам принятия законов о браке и семье. По мнению большинства ученых, семейная политика Августа была направлена на преодоление двух обстоятельств: численного уменьшения гражданского населения и просачивания в ряды гражданства провинциалов и вольноотпущенников [7, с. 403; 8, с. 418–426; 9, с. 114–115; 10, с. 115]. Кроме того, подчеркивалась связь брачного законодательства с политикой укрепления рабовладения [8, с. 418–426].

Современные исследователи стремятся выйти за рамки этих подходов, акцентируя свое внимание на отдельных аспектах семейного законодательства Августа. Оригинальную трактовку законов о браке и семье предложил М. Леви. Говоря о сословной направленности законов, итальянский ученый видит в них средство для шантажа аристократии [11, р. 175]. По мнению К. Галински, семейное законодательство Августа связано с «империалистической» политикой первого императора, законы которого были направлены на возрождение старой аристократии, призванной повелевать подчиненными народами. Поэтому она должна быть высокоморальной, так как только в этом случае завоевание Римом других народов оправдывает себя в глазах самих римлян и с точки зрения *ius gentium* [12, S. 126–144]. Венгерский исследователь П. Шиллаг связывает семейное законодательство с ориентацией Августа на прошлое и нравы предков [13, р. 138]. Для Я. Ю. Межеричко брачно-семейное законодательство было составной частью обширной программы восстановления «нравов предков» и шире — всего комплекса мероприятий, направленных на создание гармонизированного общества («республики») посредством политического урегулирования и нравственного очищения [14, с. 239].

Таким образом, историография семейного законодательства Августа проделала эволюцию от общих морализаторских оценок к попыткам рационального объяснения целей и причин его принятия. За более чем

столетний период было выдвинуто довольно значительное количество теорий, но ни одна из них не получила всеобщего признания. По нашему мнению, законы Августа в отношении семьи и брака следует рассматривать в близкой зависимости от попыток принцепса укрепить свою моральную власть и идеологически обосновать свой фактически незаконный приход к власти. Аргументация этого утверждения и является целью нашей статьи. Такая трактовка семейного законодательства Августа позволит по-новому взглянуть на место этих реформ во внутренней политике Августа.

Теория «падения нравов» как причины упадка государства имела в Риме глубокие корни, уходящие еще в догосударственную эпоху. Ученые уже давно заметили особенности мировосприятия членов аграрных общин, одной из которых была и римская *civitas*. В их сознании были заложены цикличность и постоянство, когда из года в год основой их существования являлся успешный сбор урожая. В условиях низкого технического развития производства опыт, накапливавшийся в течение веков и передававшийся из поколения в поколение, являлся единственным залогом выживания общины. Забвение или отход от этого опыта грозили неурожаем и даже гибелью общины. Поэтому отход от установлений предыдущих поколений, традиционного уклада жизни (вызванного, например, ростом материальных благ в обществе) в подсознании общинников ассоциировался с уходом от заветов предков, падением нравов и, в конечном счете, с упадком общины [15, с. 29–37].

Упоминания о падении нравов современного им общества находят еще в элогах Сципионов [ILS, I, № 1–7], древнейшие из которых относятся к III в. до н. э., в отрывках Невия и Энния [Naev., 90; Enn., 467]. У авторов II в. до н. э. Катона Цензора и Луцилия учение о «падении нравов» уже более развито [Plut. Moz., 198d–199e; Lucil. Sat., I, 4–13]. У моралистов последующих времен это учение принимает окончательные формы. Причиной нравственного упадка одни из них считали избавление от «страха перед врагом» (*metus hostilis*) [Vell. Pat., II, 1; Sallust. Bel. Iugurth., 41, Cat., 10–13; Liv. Per., 9; Hor. Carm., III, 5, 39–40], другие — влияние завоеванных стран: Греции, Пергама, Вифинии, Селевкидского царства [Flor., I, 47; Lucil. Satir., I, 10–13; Val. Max., IX, 1, 3]. Все это, по мнению римских моралистов, привело к исчезновению в римском обществе старых отцовских доблестей: *pietas* (благочестие), *virtus* (мужество), *fides* (вера), на смену которым пришли пороки: *avaritia* (алчность), *vanitas* (тщеславие) и *impudicitia* (разврат); следствием чего, в конечном счете, стал упадок государства и нескончаемые гражданские войны, занявшие весь I в. до н. э.

Выход из создавшегося положения теоретически пытался обосновать Цицерон в своем трактате «О государстве». Для него, как и для его современников, причиной гражданских войн был отход от древних морально-этических норм, «падение нравов». Соответственно, Цицерон

считал, что потушить гражданские войны и возродить былую славу Рима может лишь нравственная реформа. Для ее осуществления он предлагал увеличить монархическую составляющую трехчлена (монархии, республики и демократии, но в рамках республики) и поручить ее проведение частному лицу, которого он называет *rector et gubernator rei publicae* (руководитель и правитель государства) [см.: 16, с. 212–223].

Поэтому проведение в жизнь семейного законодательства играло огромную роль, ибо в глазах римлян только нравственная реформа общества может положить конец гражданским войнам и привести римскую *civitas* к процветанию.

Август провел такие законы. Но его реформы в новых условиях, когда в государстве в руках одного человека сосредоточилась огромная власть, получили новый смысл. Мы не будем здесь приводить все сохранившиеся сведения об этих законах, которые достаточно хорошо изложены как в российской, так и западной историографии [см.: 8, с. 419–425; 9, с. 114–116; 13, р. 17–24; 14, с. 232–234; 17; 18; 19, р. 85–88], но только подчеркнем узловые моменты.

В 18 г. до н. э. было издано несколько законов, из которых мы знаем название двух. Это *lex de maritandis ordinibus* (закон о порядке браков сословий) и *lex Julia de adulteriis coercendis* (Юлиев закон против прелюбодеев). Они касались только лиц сенаторского и всаднического сословий [Ulpien. Epit., XVI, 1]. Причем, сенаторам запрещалось вступать в брак с дочерьми вольноотпущенников, но это разрешалось представителям других сословий [Dig., XXIII, 2, 44]. Законами подтверждалась власть отца и мужа [Dig., XLVIII, 5, 24]. Законы выносили дела об адюльтере за рамки семьи и делали их объектом публичного разбирательства перед судом (*iudicia publica*) [Paul. Sent., II, 2, 14].

В это же время Август провел ряд законов, не связанных с семьей, но направленных на оздоровление нравов римского общества. Самым значительным из них был *lex sumptuana* (закон против роскоши). По этому закону, нельзя было тратить на устройство каких-либо пиршеств более 400 сестерциев, если это был обыкновенный день, более 800 — если это был праздник, более 1000 — если это была свадьба. [Aul. Gell., II, 24, 14–15]. Особый закон (*lex Iulia de vestitu et habitu*) запрещал роскошь в женской одежде. Еще один закон был направлен против трат при постройке зданий [8, с. 426].

Строгости этого законодательства вызвали широкое недовольство в высших слоях общества, которое заставило Августа пойти на уступки. Результатом этого было издание в 9 г. н. э. закона Папия и Поппея (*lex Papia Poppaea*). Закон устанавливал определенные преимущества для тех, кто имеет детей. Расширялись рамки родственных отношений, внутри которых разрешалась свобода завещаний. Стали различать бездетных (*orbi*) от безбрачных (*caelibes*). Был увеличен срок вдовства до 2,5 лет [Tac. Ann., III, 25, 28; Gaius., II, 286a; III, 42–44].

Официозная литература утверждала, что в результате семейной политики Августа римское общество вернулось к обычаям и нравам предков. «Я возвратил многие примеры предков, в наш век уже вышедшие из употребления» (перевод наш — А. Т.), — говорил Август [RGDA, 8]. Веллей Патеркул говорил о полезности Юлиевых законов [Vell. Pat., II, 89]. Гораций писал, что Августу удалось обуздать нрав и обычаи общества, обратившегося к порокам и роскоши [Hor. Carm., IV, 5, 22]. То же утверждал и Флор [Flor., II, 34].

Но действительность была далека от этой идеальной картины. Эти суровые законы не были популярны. Так, Светоний и Дион Кассий передают, что этими законами были недовольны всадники [Suet. Aug., 34; Dio Cass., LIV, 16,1]. Также были недовольны и сенаторы. Не осмеливаясь выражать протест прямо, они часто задавали провокационные вопросы. Однажды в сенате у Августа спросили, что сделать с тем гражданином, который был раньше любовником замужней женщины, а потом увел ее от мужа. Это был намек на самого Августа. [Dio Cass., LIV, 18]. О непопулярности законов свидетельствует и успех поэмы Овидия «Ars amandi». М. М. Покровский с полной убедительностью доказал, что Овидий пародирует язык *lex de adulteriis coercendis* на примерах, взятых из греческой мифологии [20, с. 178].

Итак, законы вызвали широкое недовольство. Но в таком случае перед нами встает вопрос о целях этого законодательства. Нужно принять во внимание, что мышление древних народов, в том числе и римлян, было более иррациональным, чем у современных людей. Для римлян эпохи Августа его власть мотивировалась не политическими, а моральными основаниями, она была не «могуществом» (*imperiū*), а «авторитетом» (*auctoritas*) [RGDA, 34]. По нашему мнению, семейное законодательство Августа было составной частью ряда мероприятий, которые первый римский император провел на протяжении 18–17 гг. до н. э. с целью обновления римского общества, очищения его от гражданских войн и его вступления в новую эпоху — «Золотой век», а тем самым он легитимировал и свое исключительное положение в римском государстве.

17 г. до н. э. стал поворотным годом принципата Августа. Именно в этом году были проведены секулярные игры, которые несли огромную идеологическую нагрузку. В сознании римлян *ludi saeculares* были символической границей, обозначающей конец одного века (*saeculum*) и начало другого. Во время их празднования все население должно было очиститься от прежних грехов (в нашем случае — от скверны гражданских войн), чтобы в новой эпохе начать новую жизнь. Для наших дальнейших рассуждений весьма важно то, что сами римляне видели связь между проведением секулярных игр и принятием семейного законодательства. В частности, законы Августа о семье и браке упоминаются в секулярном гимне, который был написан Горацием специально для его исполнения

во время празднования столетних игр [Hor. Carm. Saecul., 17–20]. В *Commentarium ludorum saecularum V* (этот официальный отчет о проведении секулярных игр был высечен на колонне, специально установленной в честь празднования столетних игр) было включено особое решение римского сената, отменявшее на время празднеств запрет для безбрачных посещать публичные зрелища, который устанавливался по *lex de adulteriis coercendis* [CIL, VI, № 32323, 50–57].

Кроме того, в 17 г. до н. э. произошло еще одно важное событие. В этом году окончился первый десятилетний срок «чрезвычайной» магистратуры Августа. Источники сохранили указание на то, что принцепс стремился увязать проведение столетних игр с окончанием этого срока [см.: 21, с. 242–246]. Поэтому, в связи с вышесказанным, вопрос о периодизации законов (а именно доказательство того, что основополагающая часть семейно-брачного законодательства была принята в 18 г. до н. э.) становится для нас весьма важным.

Обычно считается, что первая попытка проведения *lex de maritandis ordinibus* относится к 28 г. до н. э., и в доказательство этому приводят едва ли не единственный источник — элегию Проперция, в которой поэт высказывал свою радость по поводу отмены какого-то закона [Проп., II, 7]. Однако в историографии существует весьма аргументированное мнение, разделяемое и нами, согласно которому, в 28 г. до н. э. Октавиан не принимал никакого закона о порядке браков сословий, а поводом для радости Проперция были известные шаги императора, направленные на отмену чрезвычайных распоряжений триумвиров [3, с. 258; 14, с. 228–232; 19]. Скорее всего, в 28 г. до н. э. Октавиан отменил вместе с долгами государству [Dio Cass., LIII, 1] долги по налогам на холостяков и бездетных, носивших, как и сами долги, чрезвычайный характер.

Вместе с тем, в литературе, кроме упомянутых выше 28 и 18 гг. до н. э., приводятся еще несколько дат, которые связаны с семейным законодательством — это 11 г. до н. э. и 4 и 9 гг. н. э. [8, с. 421]. Большинство ученых вообще отказываются указать конкретную дату принятия этих законов, ограничивая их размытыми хронологическими рамками, между 18 г. до н. э. и 9 г. н. э. [9, с. 114–115; 10, с. 115; 14, с. 238; 22, с. 136]. Одну из этих дат, а именно 9 г. н. э., можно а priori не оспаривать. В этот год был принят не новый закон, а лишь смягчен *lex de maritandis ordinibus*. Что касается двух других дат — 11 г. до н. э. и 4 г. н. э., то, по мнению ряда ученых, в эти годы могли быть внесены лишь небольшие поправки в уже принятый закон о порядке браков сословий [8, с. 421; 14, с. 235; 23, р. 23–24]. Например, бездетные (*orbi*) были приравнены к безбрачным (*caelibes*) [8, с. 421; 23, р. 3–22]. Таким образом, отдельных законов больше не принималось, а вносились дополнения, вызванные как несовершенством первоначальной редакции, так и сильным давлением высших сословий римского государства, недовольных этим законодательством.

Наиболее вероятной причиной того, что семейное законодательство было принято «единым пакетом» в 18 г. до н. э., было то, что в 17 г. до н. э. истекал срок власти Октавиана (в 27 г. до н. э. Август получил от сената *imperium* сроком на 10 лет, который после этого постоянно продлевался [Dio Cass., LIII, 16]) и, скорее всего, император хотел отпраздновать это событие особенно торжественным образом. Видимо, принцепс хотел подчеркнуть, что за время его «чрезвычайных полномочий» он своими действиями настолько способствовал возрождению римской общины, что логическим завершением нахождения его у власти стало окончательное очищение возродившегося общества от скверны гражданских войн и его вступление в новую счастливую эпоху. Следующий год после десятилетнего пребывания у власти Августа (сенат «продлил» ему власть еще на пять лет) стал для римского общества первым годом «золотого века», времени мира, процветания и могущества римского государства. А над всем этим стояла фигура одного человека — Августа, принявшего на себя титаническую заботу об опеке над римской общиной.

Забота о росте населения и, в частности, об увеличении числа будущих солдат была, скорее, официальным мотивом брачного законодательства, чем истинной его причиной [8, с. 426; 12, S. 127]. Законы распространялись, главным образом, на высшие слои, на низшие сословия распространялись лишь привилегии, связанные с многодетностью (а известно, что рядовыми воинами были выходцы именно из низших сословий). Исследователи, придерживающиеся мнения, что причиной принятия законов была забота о росте населения, ссылаются на данные римских цензов, которые приводит сам Август [RGDA, 8]. Но в науке существует достаточно аргументированная точка зрения [см.: 7, с. 403; 8, с. 418; 12, S. 127], разделяемая и нами, согласно которой инфильтрация вольноотпущенников в ряды римских граждан в конце республики и в эпоху Августа достигла очень больших масштабов, что, в конечном счете (наряду с предоставлением гражданства отдельным общинам и воинам вспомогательных легионов), и сказалось на огромном разрыве между данными ценза 70 г. до н. э. (910 тыс. — [14, с. 225]) и данными — 14 г. н. э. (4937 тыс. — [RGDA, 8]).

Ко всему этому, принцепс на протяжении всего времени нахождения у власти широко рекламировал свои мероприятия, пользуясь литературной агитацией о близящемся «золотом веке». В «Энеиде» Вергилия прямо говорится, что «Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова век вернет золотой на Латинские пашни» (перевод наш — А. Т.) [Verg. Aen., VI, 789–795]. Вторит ему и Гораций: «Вот и Верность, Мир, вот и Честь, и древний/ Стыд, и Доблесть вновь, из забвенья выйдя,/ К нам назад идут, и Обилье с полным/ Близится рогом» (пер. Н. С. Гинцбурга) [Гораций. Юбилейный гимн, 57–60]. Эта агитация имела настолько большой успех, что более десяти лет спустя, после проведения секулярных игр, Овидий говорит в своих стихах о том, что Рим живет в эпоху «золотого века» [Ovid. Ars Aman., II, 278–279].

Еще одним актом этой пропаганды была чеканка монет с символикой секулярных игр и близкого прихода «Сатурнова царства». Для эпохи Августа известно 4 серии секулярных денариев. На одной из них на реверсе изображен Август, подающий римским гражданам специальные предметы для очищения [24, pl. XVII, 8]. Среди многих эмиссий, посвященных пропаганде наступившего «золотого века», наиболее характерны монеты с изображением колосьев и козерога, несущего рог изобилия, что указывало на пришедший век плодородия и изобилия [8, табл. V, 5, 6]. Идея вступления общества в новую эпоху выражалась и в скульптуре, и в архитектуре. Наиболее яркими памятниками такой пропаганды являются статуя Августа из *Prima Porta* и Алтарь Мира (*Ara Pacis*) [см.: 8, с. 536; 25, с. 11–12; 26, p. 172–192]. Наступление нового века пропагандировалось и в искусстве малых форм. До нашего времени сохранилась так называемая «Гемма Августа», созданная резчиками придворной мастерской. Верхний уровень геммы представляет Августа сидящим на троне вместе с богиней Ромой. На его голову опускает венок женщина, символизирующая, вероятно, ойкумену. У ног Августа — орел Юпитера и Мать Земля с двумя младенцами и рогом изобилия [26, p. 230–238; 27, с. 167].

Таким образом, в 18–17 гг. до н. э. Август попытался подвести итог своего десятилетнего срока «чрезвычайных полномочий» с помощью целого ряда мероприятий. Проведение секулярных игр стало вехой в становлении идеологии раннего принципата. *Ludi saeculares* очищали римское общество от скверны гражданских войн и, провозглашая наступление «золотого века», символизировали новую эпоху — эпоху мира и благоденствия. В свою очередь, семейное законодательство Августа, тесно связанное с играми и принятое за некоторое время до их проведения, морально возрождало римское общество, как бы подготавливая его к вступлению в новую эпоху. Эти мероприятия широко пропагандировались принцепсом в литературе, в чеканке монет с подобной символикой, в скульптуре, в искусстве малых форм и т. д. Возродив и укрепив моральными устоями римское общество (=государство) в глазах современников, которое, согласно официальной пропаганде, теперь жило в эпоху «золотого века», Август тем самым смог укрепить и увеличить свою моральную власть (*auctoritas*). Теперь принцепс не был военным вождем Италии и победителем Секста Помпея и Антония, вернувшим государству свободу. С этого времени Август стал подателем благ, процветания и могущества для всего Римского государства.¹ Он смог идеологически

¹ Показательно, что французский историк М. Клавель-Левек приходит к сходным выводам, анализируя значение Аполлона в религиозной политике Августа и особенно в его исключительно торжественно справленных секулярных играх. Исследователь подчеркивает, что Аполлон здесь выступал как символ перехода от теологии Победы к теологии Мира [28, p. 99–105, 131–142].

легалізувати своє положення і стати *rector et gubernator rei publicae* (образ которого был выведен Цицероном), выделявшимся из общества своим положением и авторитетом, имевшим все основания находиться у власти, ведь его личность стала залогом благосостояния и процветания римской общины.

Литература

1. *Шампаньи*. Цезари. — СПб.; М., 1882. — Т. 1.
2. *Ростовцев М. И.* Август//НЭС. — Б. г. — Т. 1.
3. *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. — М., 1923 — Т. 5.
4. *Syme R.* The Roman revolution. — Oxf., 1939.
5. *Cambridge Ancient History.* — Cambr., 1934 — Vol. 10.
6. *Levi M. A.* Il tempo di Augusto. — Florence, 1951.
7. *Galinsky K.* Augustus legislation on morals and marriage//Philologus. — 1981. — Bd. 125.
8. *Csillag P.* The Augustan laws of family relations. — Budapest, 1976.
9. *Сергеев В. С.* Очерки по истории Древнего Рима. — М., 1938. — Ч. 2.
10. *Ковалев С. И.* История Рима. — Л., 1986.
11. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. — М.; Л., 1949.
12. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох: проблема происхождения и формирования принципата. — Л., 1985.
13. *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. — Л., 1990.
14. *Межеричкий Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. — М.; Калуга, 1994.
15. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. (Время. Жизнь. Книги.) — М., 1981.
16. *Утченко С. Л.* Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. — М., 1952.
17. *Ferrero Raditsa L.* Augustus' legislation concerning marriage, procreation, love affairs and adultery//ANRW II. — 1980. — Bd. 13.
18. *Wallace-Hadrill A.* Family and inheritance in the Augustan marriage laws //Proceedings of the Cambridge philological society. — 1981. — Vol. 27. — № 8.
19. *Badian E. A.* A phantom marriage law//Philologus. — 1985. — Bd. 129.
20. *Покровский М. М.* Очерки по истории и литературе//ЖМНП. — 1907. — № 10.
21. *Базинер О.* Ludi saeculares. — Варшава, 1901.
22. *Кнабе Г. С.* Римское общество в эпоху ранней Империи//История древнего мира — М., 1989. — Т. 3.
23. *Astolfi R.* La lex Iulia et Papia. — Padova, 1986.
24. *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British museum. Catalogue. — London, 1965. — Vol. 1.
25. *Чернышев Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. — Новосибирск, 1994. — Ч. 2.

26. *Zanker P.* The power of images in the age of Augustus. — Ann Arbor, 1988.
27. *Вулих Н. В., Неверов О. Я.* Роль искусства в пропаганде официальной идеологии принципата Августа//ВДИ. — 1988. — № 1.
28. *Clavel-Lévêque M.* L'Empire en jeux. Espace symbolique et pratique sociale dans le monde romain. — P., 1984.

Резюме

Токарев А. М. Про цілі сімейного законодавства Октавіана Августа.

На думку автора статті, римський імператор Август у 18–17 рр. до н. е. спробував підбити підсумок свого десятилітнього строку «надзвичайної магістратури», хронологічно пов'язавши його закінчення з проведенням секулярних ігор і прийняттям сімейного законодавства. Ці заходи у свідомості римлян морально відроджували та очищали римське суспільство від скверни громадянських воєн, символізуючи нову епоху — епоху миру і благоденства і проголошуючи настання «золотого віку». Усе це дозволило Августу зміцнити і збільшити свою моральну владу (*auctoritas*).

А. М. Филиппов

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПЦИЯХ РАВНОВЕСИЯ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ в V в. до н. э.

Одной из важнейших проблем, решить которую на протяжении всего классического периода истории Древней Греции пытались наиболее влиятельные греческие полисы, являлась проблема политического равновесия. Хотя идея баланса сил так и не была оформлена в виде самостоятельной доктрины, она достаточно целостно представлена в сочинениях некоторых авторов V–IV вв. до н. э., активно занимавшихся политической деятельностью [Thuc., I, 18–19; 88; 118, 1–2; 120–124; 140–144; Demosth., V, 17–19; VIII, 4–37; XVII, 8; 16–28; Isocr., VIII, 67]. Общий смысл этой идеи сводился к следующему: ни один из соперников не должен преобладать над другим настолько, чтобы его превосходство существенно отражалось на безопасности противника; только паритет сил служит гарантом зыбкого равновесия между полисами-антагонистами, и его сохранение определенными (но отнюдь не любыми!) средствами является важнейшей стратегической задачей. С точки зрения полиса, интересы которого были затронуты действиями соперника, нарушение равновесия часто рассматривалось как акт политического произвола и угроза полисной безопасности [Demosth., II, 5–8; Thuc., I, 118, 2–3]. Поэтому каждый из противников стремился